

Семейный альбом

«В искусстве и котлетах...»

Ужин был необыкновенным, кофе просто прекрасным. А когда все уселись за круглым столом под большим уютным абажуром и полилась беседа, показалось, что с мамой и дочкой — актрисами Валентиной и Наташей ПАНИНЫМИ — мы уже давно знакомы...

ВАЛИНА ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мальчишки для меня были товарищами, а влюбилась я в шестнадцать лет в того, кого видела один день и кто сразу уехал далеко. Он закончил факультет иностранных языков Омского педагогического института, где потом два курса училась я. В свой отпуск зашел в драмкружок почитать друзей. Так мы случайно познакомились. Семь лет я ждала только его. Наши встречи были короткими, остальное время — письма, да какие! Общие тетради, исписанные поэмами о наших чувствах. Зимой, глядя на снег, я мысленно говорила: «Как жаль мне тебя, Сережа, ты мучаешься в Индии от жары и скучаешь по березам»...

Эта влюбленность дала мне силы одной поехать в Москву и поступить в знаменитую школу-студию Малого театра. В институте, в студии, в Пушкинском театре, где я стала работать, у меня были поклонники, но я отменяла всех.

Отношения у нас с Сережей были какими-то ненормальными: мы даже не целовались. Потом наступил момент, когда я стала мучиться своим одиночеством. Могла сутками не выходить из комнаты, лежать, уткнувшись в подушку.

Наконец, папа посоветовал: «Выходи за него замуж. Никто тебя так любить не будет. Он ведь знал тебя еще девчонкой, а не актрисой». В Омске мы отпраздновали свадьбу и переехали жить в Ленинград. И начался кошмар. Любовь оказалась выдуманной. Не раз вспомнились бабушкины слова: «Любая счастливая женская доля хуже самой плохой девичьей». Он меня просто мучил. Ко всем ревновал. Комната в коммуналке его не устраивала. Между репетициями в театре я носилась по магазинам, готовила. «Ты вся в искусстве и котлетах», — говорил мне режиссер. Муж на кухню даже не выходил, стеснялся. Начал пить.

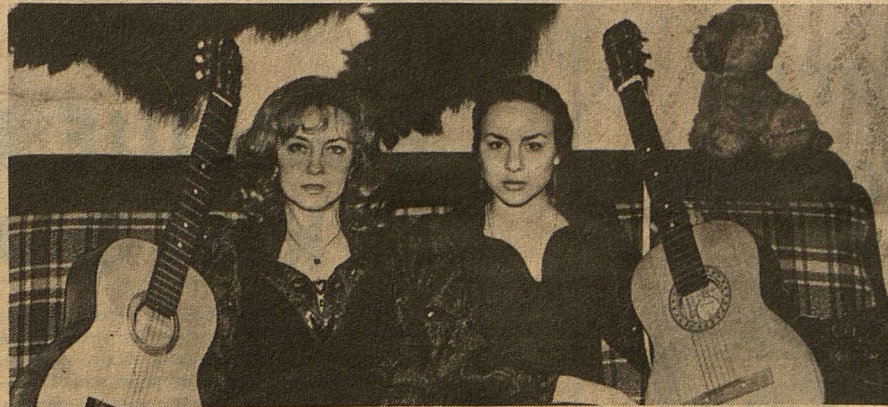
Когда я узнала, что беременна, он сказал: «Ну вот теперь ты никуда не денешься». В тот же вечер я ушла и осталась жить у подруги. Мама, узнав, что случилось, приехала из Омска. «Рожай», — сказала. Неизвестно, как сложится жизнь, будет рядом родной человек. Я помогу.

Когда я принесла заявление, судья возмутилась: «Вы с ума сошли! Не буду я беременную разводить». Я уехала в Омск и там родила.

ДОЧЬ

Моя мама сказала: «Не волнуйся и спокойно работай». Она была завучем в авиационном техникуме — уволилась. И стала бабушкой-мамой. Наташа иногда ее так и называла: мама. Но рядом с ее кроватью был мой портрет и, просыпаясь, она всегда здоровалась со мной. Когда я приехала в отпуск, она сразу меня узнала.

А знаете, по-моему, ее отношение ко мне тогда было более дочерним, чем мое —

материнским. Я занималась якобы творчеством, и тех навыков, которые приобретает любая мама, возясь с пленками, проводя у постельки малыша, не имела. Может, мне больше повезет с внуками?..

Бог помог, и мне удалось обменять квартиру моих родителей на Ленинград. Наташа была теперь рядом, со мной. В пятом классе в сочинении о будущей профессии она написала — хочу стать актрисой. Дома я ей устроила разнос: нельзя в таком признаваться, об этом можно только мечтать! Я сама с десятого класса хотела работать в театре, но боялась кому-то заикнуться. «Ты что, стесняешься своей профессии?» — удивилась Наташа. — А если бы я написала, что хочу быть космонавтом или трактористкой, ты бы гордилась?.. Вопрос застал врасплох.

Я пыталась увлечь Наташу чем-нибудь другим: ботаникой, физикой... Вместе изучали животных, насекомых. Мне казалось, что она неуклюжа, и я определила ее в танцевальный кружок. Правда, она его быстро бросила. А то, что она не стала музыкантом, нас с мамой до сих пор огорчает. Из музыкальной школы Наташу хотели направить учиться на композиторское отделение. Сейчас она сочиняет музыку для себя.

На гастроли я всегда брала дочь с собой. Хотела, чтобы она видела мои закулисные муки. Но она говорит, что их не запомнила.

А еще мне хотелось, чтобы ей со мной было интересно. Всех ее друзей я всегда приглашала в дом. Так мне было легче ее понимать. Было и тревожное время. Пошли дискотеки, она стала уходить вечерами и возвращаться поздно. Начала краситься, да что там — просто малавваться. Я была в ужасе. Мы с мамой шастали по темным улицам, разыскивая эти дискотеки. Я ее за руку с танцев не вытаскивала, мне просто хотелось видеть, где она проводит время. Постою около двери, посмотрю и уйду. Потом она дискотеками переболела.

Зато влюбилась в какого-то парня старше себя. Я видела, что он ей явно не подходит. Думаю, как же быть, что сделать, чтобы показать, что он ей не пара. Когда он ее вечером куда-то пригласил, я очень испугалась, но виду не подала: «Ха-ха, ну, Наташа, и кавалера же ты себе нашла с передним золотым зубом». И влюбленности как не бывало!

Когда Наташа училась в Москве, я ездила к ней часто: покормить, как водится, а заодно посмотреть, как она живет, что за ребята за ней ухаживают...

Она всегда мне доверяла. Мы потом анализировали, и оказывалось, что в те дни, когда ей было трудно, я лежала в лежку от физического истощения. Может быть, мои силы передавались ей?

ДВЕ АКТРИСЫ

На дипломном спектакле «Вкус меда», где Наташа играла главную роль, мне стало вдруг не по себе, возникло ощущение

раздвоенности — словно я не в зале, а на сцене. Я тоже здесь играла, училась у тех же педагогов.

Когда Наташа еще училась на втором курсе, одна из моих педагогов встретила меня словами: «Знаешь, как я тебя люблю, но не обижайся, дочь талантливее тебя». Слышать это было и больно, и сладко. Но мне стоило пройти мой путь, чтобы Наташа оказалась в Пушкинском театре, в Александринке, в которой я работала и которую люблю до сих пор.

НАТАША: МНЕ ПОВЕЗЛО

Меня приглашали работать многие московские театры. Не знаю, как сложилась бы судьба, останься я там, но я оказалась в Александринке. Начать с двух главных ролей в спектаклях — это редкая удача. Ольга Ильинская в «Обломове» Марка Розовского, из-за которого я и приехала в Петербург. И — хозяйка гостиницы в одноименной пьесе, которую поставил Владимир Воробьев.

Недавно снялась в фильме «Дом на Рождественском бульваре». Картина камерная, о любви. Мы там играем вдвоем с Александром Збруевым.

Когда у меня нет загрузки, я начинаю много спать и становлюсь сама себе противной. Мне нужен постоянный тренинг. Вот сейчас мы задумали с мамой сыграть вместе в пьесе «Вкус меда». Мать и дочь. Это потрясающая вещь! Там есть все, что дорого мне в наших с ней отношениях, — доверительность, уважение права каждой на собственную жизнь. Правда, все это скрыто в пьесе под толстым слоем наносного. Но безумно интересно играть именно то, чего зритель не видит, а должен обязательно почувствовать.

Еще я очень люблю сейчас петь романсы под гитару с мамой: вечерами дома для себя и на концертах. Еще в театральной студии я научилась играть на гитаре и весь курс «заразила» романсами.

...Живут все в небольшой двухкомнатной квартире. В одной комнате — Валя с мужем Мишей. В другой — Наташа с Сашей. По утрам мама безрезультатно пока пытается приучить их есть геркулесовую кашу. Правда, Наташа говорит, что из-за политических новостей по радио, которые регулярно сопровождают варку каши, пропадает аппетит. Зато в их комнате довольно часто слишком громко играет магнитофон, что не по душе маме.

А она поняла, что театр — это еще не все в жизни и... неожиданно для себя полюбила быт. С садовым участком и рассадой на окне...

«В вас странное сочетание, — сказал ей как-то один режиссер, — внешность взрослой женщины, а нутро — шестнадцатилетней девчонки». По-моему, в этом повезло не только матери, но и дочери.

В дочки-матери сыграла
Валентина ВАСЕЙКО

«В искусстве и котлетах...»

Ужин был необыкновенным, кофе просто прекрасным. А когда все уселись за круглым столом под большим уютным абажуром и полилась беседа, показалось, что с мамой и дочкой — актрисами Валентиной и Наташей ПАНИНЫМИ — мы уже давно знакомы...

ВАЛИНА ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мальчишки для меня были товарищами, а влюбилась я в шестнадцать лет в того, кого видела один день и кто сразу уехал далеко. Он закончил факультет иностранных языков Омского педагогического института, где потом два курса училась я. В свой отпуск зашел в драмкружок поводить друзей. Так мы случайно познакомились. Семь лет я ждала только его. Наши встречи были короткими, остальное время — письма, да какие! Общие тетради, исписанные поэмами о наших чувствах. Зимой, глядя на снег, я мысленно говорила: «Как жаль мне тебя, Сережа, ты мучаешься в Индии от жары и скучаешь по березам»...

Эта влюбленность дала мне силы одной поехать в Москву и поступить в знаменитую школу-студию Малого театра. В институте, в студии, в Пушкинском театре, где я стала работать, у меня были поклонники, но я отгнала всех.

Отношения у нас с Сережей были какие-то ненормальные: мы даже не целовались. Потом наступил момент, когда я стала мучиться своим одиночеством. Могла сутками не выходить из комнаты, лежать, уткнувшись в подушку.

Наконец, папа посоветовал: «Выходи за него замуж. Никто тебя так любить не будет. Он ведь знал тебя еще девочкой, а не актрисой». В Омске мы отпраздновали свадьбу и переехали жить в Ленинград. И начался кошмар. Любовь оказалась выдуманной. Не раз вспомнили бабушкины слова: «Любая счастливая женская доля хуже самой плохой девичьей». Он меня просто мучил. Ко всем ревновал. Комната в коммуналке его не устраивала. Между репетициями в театре я носилась по магазинам, готовила. «Ты вся в искусстве и котлетах», — говорил мне режиссер. Муж на кухню даже не выходил, стеснялся. Начал пить.

Когда я узнала, что беременна, он сказал: «Ну вот теперь ты никуда не денешься». В тот же вечер я ушла и осталась жить у подруги. Мама, узнав, что случилось, приехала из Омска. «Рожай», — сказала. — Неизвестно, как сложится жизнь, будет рядом родной человек. Я помогу».

Когда я принесла заявление, судья возмутилась: «Вы с ума сошли! Не буду я беременную разводить». Я уехала в Омск и там родила.

ДОЧЬ

Моя мама сказала: «Не волнуйся и спокойно работай». Она была завучем в авиационном техникуме — уволилась. И стала бабушкой-мамой. Наташа иногда ее так и называла: мама. Но рядом с ее кроватью был мой портрет и, просыпаясь, она всегда здоровалась со мной. Когда я приехала в отпуск, она сразу меня узнала.

А знаете, по-моему, ее отношение ко мне тогда было более дочерним, чем мое —

материнским. Я занималась якобы творчеством, и тех навыков, которые приобретает любая мама, возясь с пеленками, проводя у постельки малыша, не имела. Может, мне больше повезет с внуками?..

Бог помог, и мне удалось обменять квартиру моих родителей на Ленинград. Наташа была теперь рядом, со мной. В пятом классе в сочинении о будущей профессии она написала — хочу стать актрисой. Дома я ей устроила разнос: нельзя в таком признаваться, об этом можно только мечтать! Я сама с десятого класса хотела работать в театре, но боялась кому-то заикнуться. «Ты что, стесняешься своей профессии?» — удивилась Наташа. — А если бы я написала, что хочу быть космонавтом или трактористкой, ты бы гордилась?» Вопрос застал врасплох.

Я пыталась увлечь Наташу чем-нибудь другим: ботаникой, физикой... Вместе изучали животных, насекомых. Мне казалось, что она неуклюжа, и я определила ее в танцевальный кружок. Правда, она его быстро бросила. А то, что она не стала музыкантом, нас с мамой до сих пор огорчает. Из музыкальной школы Наташу хотели направить учиться на композиторское отделение. Сейчас она сочиняет музыку для себя.

На гастроли я всегда брала дочь с собой. Хотела, чтобы она видела мои закулисные муки. Но она говорит, что их не запомнила.

А еще мне хотелось, чтобы ей со мной было интересно. Всех ее друзей я всегда приглашала в дом. Так мне было легче ее понимать. Было и тревожное время. Пошли дискотеки, она стала уходить вечерами и возвращаться поздно. Начала краситься, да что там — просто малеваться. Я была в ужасе. Мы с мамой шастали по темным улицам, разыскивая эти дискотеки. Я ее за руку с танцев не вытаскивала, мне просто хотелось видеть, где она проводит время. Постою около двери, посмотрю и уйду. Потом она дискотеками переболела.

Зато влюбилась в какого-то парня старше себя. Я видела, что он ей явно не подходит. Думаю, как же быть, что сделать, чтобы показать, что он ей не пара. Когда он ее вечером куда-то пригласил, я очень испугалась, но виду не подала: «Ха-ха, ну, Наташа, и кавалера же ты себе нашла с передним золотым зубом». И влюбленности как не бывало!

Когда Наташа училась в Москве, я ездила к ней часто: подкормить, как водится, а заодно посмотреть, как она живет, что за ребята за ней ухаживают...

Она всегда мне доверяла. Мы потом анализировали, и оказывалось, что в те дни, когда ей было трудно, я лежала в лежку от физического истощения. Может быть, мои силы передавались ей?

ДВЕ АКТРИСЫ

На дипломном спектакле «Вкус меда», где Наташа играла главную роль, мне стало вдруг не по себе, возникло ощущение

раздвоенности — словно я не в зале, а на сцене. Я тоже здесь играла, училась у тех же педагогов.

Когда Наташа еще училась на втором курсе, одна из моих педагогов встретила меня словами: «Знаешь, как я тебя люблю, но не обижайся, дочь талантливее тебя». Слышать это было и больно, и сладко. Но мне стоило пройти мой путь, чтобы Наташа оказалась в Пушкинском театре, в Александринке, в которой я работала и которую люблю до сих пор.

НАТАША: МНЕ ПОВЕЗЛО

Меня приглашали работать многие московские театры. Не знаю, как сложилась бы судьба, останься я там, но я оказалась в Александринке. Начать с двух главных ролей в спектаклях — это редкая удача. Ольга Ильинская в «Обломове» Марка Розовского, из-за которого я и приехала в Петербург. И — хозяйка гостиницы в одноименной пьесе, которую поставил Владимир Воробьев.

Недавно снялась в фильме «Дом на Рождественском бульваре». Картина камерная, о любви. Мы там играем вдвоем с Александром Збруевым.

Когда у меня нет загрузки, я начинаю много спать и становлюсь сама себе противной. Мне нужен постоянный тренинг. Вот сейчас мы задумали с мамой сыграть вместе в пьесе «Вкус меда». Мать и дочь. Это потрясающая вещь! Там есть все, что дорого мне в наших с ней отношениях, — доверительность, уважение права каждой на собственную жизнь. Правда, все это скрыто в пьесе под толстым слоем наносного. Но безумно интересно играть именно то, чего зритель не видит, а должен обязательно почувствовать.

Еще я очень люблю сейчас петь романсы под гитару с мамой: вечерами дома для себя и на концертах. Еще в театральной студии я научилась играть на гитаре и весь курс «заразила» романсами.

...Живут все в небольшой двухкомнатной квартире. В одной комнате — Валя с мужем Мишей. В другой — Наташа с Сашей. По утрам мама безрезультатно пока пытается приучить их есть геркулесовую кашу. Правда, Наташа говорит, что из-за политических новостей по радио, которые регулярно сопровождают варку каши, пропадает аппетит. Зато в их комнате довольно часто слишком громко играет магнитофон, что не по душе маме.

А она поняла, что театр — это еще не все в жизни и... неожиданно для себя полюбила быт. С садовым участком и рассадой на окне...

«В вас странное сочетание, — сказал ей как-то один режиссер, — внешность взрослой женщины, а нутро — шестнадцатилетней девчонки». По-моему, в этом повезло не только матери, но и дочери.

В дочке-матери сыграла
Валентина ВАСЕЙКО